Джаред Даймонд

РУЖЬЯ, МИКРОБЫ И СТАЛЬ

Фонд Дмитрия Зимина

Династия

Э | Л | Е | М | Е | Н | Т | Ы

elementy.ru

Jared Diamond

GUNS, GERMS, AND STEEL

The Fates of Human Societies

Джаред Даймонд

РУЖЬЯ, МИКРОБЫ И СТАЛЬ

Судьбы человеческих обществ

АСТ
CORPUS
Москва

УДК 1(091)
ББК 87.2(7Сое)
Д14

Печатается с разрешения автора и литературного агентства *Brockman, Inc.*

Издание осуществлено при поддержке
Фонда некоммерческих программ *Дмитрия Зимина "Династия"*
и при участии издательства "*Мидгард*" (Санкт-Петербург).

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Даймонд, Дж.
Д14 Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / Джаред Даймонд; пер. с англ. М. Колопотина. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010. — 720 с.

ISBN 978-5-17-061456-1 (ООО "Издательство АСТ")
ISBN 978-5-403-01950-7 (ООО "Издательство АСТ-МОСКВА")

Эта книга американского орнитолога, физиолога и географа Джареда Даймонда стала международным бестселлером и принесла своему создателю престижнейшую Пулитцеровскую премию, разом превратив академического ученого в звезду первой величины. Вопрос, почему разные регионы нашей планеты развивались настолько неравномерно, занимает сегодня очень многих — по каким причинам, к примеру, австралийские аборигены так и не сумели выйти из каменного века, в то время как европейцы научились производить сложнейшие орудия, строить космические корабли и передавать накопленные знания следующим поколениям? Опираясь на данные географии, ботаники, зоологии, микробиологии, лингвистики и других наук, Даймонд убедительно доказывает, что асимметрия в развитии разных частей света неслучайна и опирается на множество естественных факторов — таких, как среда обитания, климат, наличие пригодных для одомашнивания животных и растений и даже очертания и размер континентов. Приводя множество увлекательных примеров из собственного богатого опыта наблюдений за народами, которые принято называть "примитивными", а также из мировой истории, Даймонд выстраивает цельную и убедительную теорию, позволяющую читателю по-новому осмыслить скрытые механизмы развития человеческой цивилизации.

УДК 1(091)
ББК 87.2(7Сое)

ISBN 978-5-17-061456-1 (ООО "Издательство АСТ")
ISBN 978-5-403-01950-7 (ООО "Издательство АСТ МОСКВА")

© Jared Diamond, 1997, 1999
© М. Колопотин, перевод на русский язык, 2009
© А. Бондаренко, оформление, 2009
© ООО "Издательство АСТ", 2009
© ООО "Издательство АСТ МОСКВА", 2009

Фонд некоммерческих программ “Династия” основан в 2002 году Дмитрием Борисовичем Зиминым, почетным президентом компании “Вымпелком”.

Приоритетные направления деятельности Фонда — развитие фундаментальной науки и образования в России, популяризация науки и просвещение.

В рамках программы по популяризации науки Фондом запущено несколько проектов. В их числе — сайт Elementy.ru, ставший одним из ведущих в русскоязычном интернете тематических ресурсов, а также проект “Библиотека “Династии” — издание современных научно-популярных книг, тщательно отобранных экспертами-учеными.

Книга, которую вы держите в руках, выпущена в рамках этого проекта.

Более подробную информацию о Фонде “Династия” вы найдете по адресу www.dynastyfdn.ru.

Содержание

От редактора 9

Предисловие
Почему всемирная история похожа на луковицу?..... 15

Пролог. **Вопрос Яли** 19

Часть первая. **От Эдема до Кахамарки**
Глава 1. **Стартовая линия** 55
Глава 2. **Естественный эксперимент в истории** 83
Глава 3. **Столкновение в Кахамарке** 105

Часть вторая. **Возникновение и распространение производства продовольствия**
Глава 4. **Сила земледелия** 129
Глава 5. **Имущие и неимущие во всемирной истории** 141
Глава 6. **Охота или пахота** 158
Глава 7. **Как сделать миндальный орех** 173
Глава 8. **Яблони или индейцы** 199

Глава 9. **Зебры, несчастливые браки и принцип "Анны Карениной"** **239**
Глава 10. **Просторные небеса и наклонные оси** **267**

Часть третья. **От продовольствия к ружьям, микробам и стали**
Глава 11. **Смертоносный дар домашних животных**... **293**
Глава 12. **Кальки и заимствованные буквы**..... **323**
Глава 13. **Мать необходимости**..... **358**
Глава 14. **От эгалитаризма к клептократии**..... **399**

Часть четвертая. **Вокруг света за пять глав**
Глава 15. **Народ Яли**..... **447**
Глава 16. **Как Китай стал китайским** **487**
Глава 17. **Моторная лодка до Полинезии** **504**
Глава 18. **Столкновение полушарий** **532**
Глава 19. **Как Африка стала черной**..... **566**

Эпилог. **Будущее истории как естественной науки** **605**

Послесловие 2003 года: "Ружья, микробы и сталь" сегодня..... **641**
Благодарности..... **664**
Дополнительная литература..... **665**
Предметно-тематический указатель..... **706**

От редактора

В 1972 году в Новой Гвинее Джаред Даймонд прогуливался по берегу моря с местным политиком по имени Яли, и тот спросил его: “Почему вы, белые, накопили столько карго и привезли его в Новую Гвинею, а у нас, черных, своего карго было так мало?” — именно вопрос Яли и стал побудительным мотивом к написанию этой книги.

В Новой Гвинее “карго” — это обобщенное название всех благ белой цивилизации, иными словами, тех самых ружей и стали, которые Даймонд вынес в заглавие, да еще, пожалуй, кока-колы. Многие местные жители считали, что карго присылают их предки, которых белые умасливают с помощью колдовских ритуалов; эти верования называются карго-культами. Последователи карго-культов строили фальшивые взлетные полосы, авиадиспетчерские будки и надевали на голову муляжи наушников — чтобы приманить к себе карго.

Эта история интересна тем, что Яли (вполне историческая личность) был под старость пророком местного карго-культа, хотя и не ясно, насколько сам в него верил. Но в любом случае, сложно отделаться от мысли, что будь я на месте Даймонда, я бы ответил на вопрос островитянина что-нибудь необязательное вроде: “наушники надо делать из ротанга, а не из бамбука”. Будь на его месте волонтер из Красного Креста, он мог бы сказать, что в несправедливом распределении карго виноваты транснациональные корпорации. А Даймонд думал 25 лет, читал книги по палеоэкологии, археологии, компартивистике и биологии домашних животных, а потом написал “Ружья, микробы и сталь”.

Джаред Даймонд принадлежит к породе людей, которых довольно много было в девятнадцатом веке, но сейчас, к сожалению, уже почти не осталось. Он больше тридцати лет изучал птиц на Новой Гвинее и Соломоновых островах, написал несчетное число орнитологических статей и

монументальную монографию "Птицы Меланезии" в соавторстве с великим эволюционистом Эрнстом Майром. Он учился в Гарварде, защитил диссертацию в Кембридже и уже много лет служит профессором географии в калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Он проектирует заповедники (и входит в правление Всемирного фонда дикой природы — WWF), печатает статьи про кровную месть в журнале "New Yorker" и говорит на нескольких языках — в том числе на новогвинейском форе и индонезийском. Он даже опубликовал научно-популярную книгу под названием "Почему секс доставляет удовольствие?". Но всемирную славу (а также миллионные тиражи и Пулитцеровскую премию) ему принесли именно "Ружья, микробы и сталь".

Помимо этого своего opus magnum, Даймонд написал еще две книги, так или иначе посвященных истории. Не переведенный еще на русский "Третий шимпанзе" описывает первые несколько миллионов лет истории человека. Там Даймонд, признав отличия человека от шимпанзе достаточно незначительными, чтобы объединить эти виды в один род, задается вопросом: почему из всех живых существ именно третий (после обыкновенного и карликового) шимпанзе стал повелевать миром? "Ружья, микробы и сталь" представляют собой попытку создать "краткую историю всех людей за последние 13 тысяч лет": на сей раз Даймонд сравнивает разные человеческие общества по степени их успешности. Почему, спрашивает он, европейцы, вооруженные огнестрельным оружием, стальными мечами и эпидемическими болезнями, покорили практически весь мир, в то время как империя инков не знала даже колеса, а австралийские аборигены вплоть до XIX века вообще оставались охотниками-собирателями? Наконец, в "Коллапсе" Даймонд рассматривает причины гибели человеческих обществ — особенно тех, которые происходили по их собственной вине, без воздействия извне. Вместе три книги охватывают период времени от возникновения человека до его вероятного вымирания (которого, впрочем, согласно Даймонду мы вполне сможем избежать).

Даже если не брать в расчет прочих книг, "история всех людей за последние 13 тысяч лет" сама по себе способна вызвать некоторую настороженность. В истории как нигде грандиозность авторского замысла часто служит отягчающим обстоятельством. Особенно для русского читателя, хорошо понимающего, что бывает, когда математик (или даже географ) направляет весь свой энтузиазм на создание всеобъемлющей исторической теории. Потому стоит сразу оговориться, что Даймонд не ставит своей целью борьбу с традиционной исторической наукой — напротив, он относится к ней самым бережным образом.

Ружья, микробы и сталь, то есть технологическое превосходство и устойчивость к эпидемическим заболеваниям, были непосредственными факторами, обеспечившими “евразийское господство” по всему миру. Однако этого объяснения явно недостаточно. Ведь ружья, стальные мечи и суда, позволявшие пересечь океан, почему-то появились именно у конкистадоров, а не у индейцев или бушменов. И именно в конкистадорах жили возбудители оспы, туберкулеза и холеры. Иными словами, уже задолго до великих географических открытий общества разных частей света значительно различались. Чтобы объяснить, как накапливались эти различия, Даймонд выстраивает цепочку причинно-следственных связей, в начале которой лежит возникновение сельского хозяйства.

Успешные завоевания требуют развитых технологий и централизованной политической власти. Людей, создающих новые технологии и осуществляющих управление (в терминологии Даймонда — клептократов), необходимо кормить, следовательно, необходимо уметь создавать и хранить излишки пищи. Кроме того, сама по себе политическая централизация может происходить только при высокой плотности населения, возможной опять же только при производстве продовольствия. Для производства продовольствия нужны эффективные сельскохозяйственные культуры и скот, предоставляющий пищу и тягловую силу для обработки полей. Скот также служит источником эпидемических заболеваний, поставляя своих возбудителей в оседлые человеческие популяции, способные в течение многих эпидемий выработать какой-то иммунитет к привычным болезням.

Сельскохозяйственные культуры и скот появляются в первую очередь там, где есть пригодные для одомашнивания дикие виды. Пригодные для доместикации виды распространены очень неравномерно и, как дотошно показывает Даймонд, наиболее обильны в Евразии. Кроме того, именно в Евразии, вытянутой в широтном направлении, одомашненные животные и растения особенно легко распространялись благодаря сравнительно меньшей изменчивости климата. Иными словами, решающую роль в успехе человеческих обществ играют стартовые условия, многократно усиленные за счет циклов обратной положительной связи (так, если вкратце, описываются 13 тысяч лет истории всех людей).

Позицию Даймонда часто описывают обидным словосочетанием “географический детерминизм”, но это не вполне справедливо. Во-первых, как показывает Даймонд, даже при неравенстве условий люди сами нередко становятся причиной собственных будущих неудач. Так, например, в Америке 13 тысяч лет назад, вероятно, были животные, пригодные

для доместикации, но они были выбиты первыми пришедшими туда людьми. В результате индейцы освоили верховую езду только тогда, когда испанцы привезли в Америку лошадей, — но было уже поздно. Во-вторых, географический детерминизм неявным образом предполагает, что люди пассивны и прогресс происходит почти что сам по себе — стоит только оказаться в нужном месте, и можно не волноваться о будущем. На самом же деле, и с этим приятно соглашаться, читая "Ружья, микробы и сталь", человеческую историю делали люди невероятно любознательные и трудолюбивые. И к примитивным обществам это относится даже в большей степени, чем к развитым: если кого-то не одомашнили, значит, его просто нельзя было одомашнить; если что-то не научились употреблять в пищу, значит, оно просто несъедобно. А гипотезу о том, что они "просто не догадались", как убедительно показывает Даймонд, практически всегда можно отбросить за несостоятельностью.

Очень характерная особенность "Ружей..." состоит в том, что в тексте практически отсутствуют имена. Это не случайно: основные достижения человечества, даже если они связаны с именем конкретного человека, случились в бесписьменную эпоху или в бесписьменных обществах. Трудно сомневаться, что доместикация лошади несравненно более значимое историческое событие, чем битва на Куликовом поле, однако сколько людей с точностью до года знает дату второго из них, и сколько сможет назвать тысячелетие, когда случилось первое?.. Вот еще одно неожиданное достоинство книги — ее можно читать как каталог человеческих достижений, в котором, в отличие от учебника истории отечества, правильно масштабированная временная шкала. Даймонд делает не первую, но необыкновенно увлекательную попытку описать "макроисторию" и уже за это заслуживает всяческих похвал: бесписьменные общества занимают куда меньше места в популярной культуре, чем они того заслуживают. Возможно, благодаря "Ружьям, микробам и стали" в учебниках истории появится наконец глава про головокружительную австронезийскую экспансию, освоение важнейших сельскохозяйственных культур и другие эпохальные события бесписьменной эры. И учебники истории станут от этого чуть-чуть интереснее и точнее.

Андрей Бабицкий, Москва, 2009

Эсе, Кариниге, Омваи, Парану, Сауакари, Вивору и всем остальным моим друзьям и учителям с Новой Гвинеи, умеющим жить в трудных природных условиях.

Предисловие
Почему всемирная история похожа на луковицу?

Эта книга — моя попытка кратко изложить историю всех людей, живших на планете за последние тринадцать тысяч лет. Я решил написать ее, чтобы ответить на следующий вопрос: “Почему на разных континентах история развивалась так неодинаково?”. Возможно, этот вопрос заставит вас насторожиться и подумать, что вам в руки попал очередной расистский трактат. Если так, будьте спокойны — моя книга не из их числа; как станет видно в дальнейшем, для ответа на мой вопрос мне даже не понадобится говорить об отличиях между расами. Моей главной целью было дойти до предельных оснований, проследить цепь исторической причинности на максимальное расстояние в глубь времен.

Авторы, которые берутся за изложение всемирной истории, как правило, сужают свой предмет до письменных обществ, населявших Евразию и Северную Африку. Коренным обществам остальных частей мира — Африки к югу от Сахары, Северной и Южной Америки, архипелагов Юго-Восточной Азии, Австралии, Новой Гвинеи, островов Тихого океана — уделяется лишь незначительное внимание, и в основном тем событиям, которые происходили с ними на позднейших этапах истории, то есть после того, как они были

открыты и покорены европейцами. Даже внутри Евразии история западной части континента освещается гораздо подробнее, чем история Китая, Индии, Японии, тропической Юго-Восточной Азии и других обществ Востока. История до изобретения письменности — то есть примерно до начала III тысячелетия до н. э. — также излагается сравнительно бегло, несмотря на то что она составляет 99,9% всего пятимиллионолетнего срока пребывания человека на Земле.

Подобная узконаправленность историографии имеет три недостатка. Во-первых, интерес к другим народам, то есть народам, проживающим не в Западной Евразии, сегодня по вполне понятным причинам становится все более массовым. Понятным, потому что эти "другие" народы преобладают в населении земного шара и представляют подавляющее большинство существующих этнических, культурных и языковых групп. Некоторые из стран за пределами Западной Евразии уже вошли — а другим вот-вот предстоит войти — в число наиболее экономически и политически могущественных держав мира.

Во-вторых, даже тот, кого в первую очередь интересуют причины формирования современного мироустройства, не продвинется слишком далеко, если ограничится событиями, произошедшими со времени появления письменности. Ошибочно думать, что до 3000 г. до н. э. народы разных континентов в среднем находились на одинаковом уровне развития и только изобретение письменности в Западной Евразии спровоцировало исторический рывок ее популяции, преобразивший также все остальные области человеческой деятельности. Уже к 3000 г. до н. э. у некоторого числа евразийских и североафриканских народов существовали не только зачатки письменной культуры, но и централизованное государственное управление, города, были широко распространены металлическое оружие и орудия труда; эти народы использовали одомашненных животных в качестве транспорта, тягловой силы и источника механической энер-

гии, а также полагались на земледелие и животноводство как на основной источник пропитания. На большей части других континентов в тот период не существовало ничего подобного; какие-то, но не все из этих изобретений позже независимо возникли в обеих Америках и в Африке к югу от Сахары — и то лишь на протяжении пяти последующих тысячелетий, а коренному населению Австралии так никогда и не довелось прийти к ним самостоятельно. Эти факты сами по себе должны были бы послужить свидетельством того, что корни западноевразийского господства в современном мире прорастают далеко в дописьменное прошлое. (Под западноевразийским господством я имею в виду доминирующую роль в мире как обществ самой Западной Евразии, так и обществ, сформированных выходцами из Западной Евразии на других континентах.)

В-третьих, история, фокусирующаяся на западноевразийских обществах, совершенно игнорирует один важный и очевидный вопрос. Почему именно эти общества достигли столь непропорционального могущества и ушли столь далеко вперед по пути инноваций? Отвечать на него принято, ссылаясь на такие непосредственные факторы, как подъем капитализма, меркантилизма, эмпирического естествознания, развитие техники, а также на болезнетворные микробы, уничтожавшие народы других континентов, когда те вступали в контакт с пришельцами из Западной Евразии. Но почему все эти факторы доминирования возникли именно в Западной Евразии, а в других частях мира либо не возникли вовсе, либо присутствовали лишь в незначительной степени?

Эти факторы относятся к разряду ближайших, но не исходных причин. Почему капитализм не появился в доколумбовой Мексике, меркантилизм — в субсахарской Африке, исследовательская наука — в Китае, продвинутые технологии — в Северной Америке, а болезнетворные микробы — в аборигенной Австралии? Если в ответ приводят индивидуальные факторы локальной культуры — например, в Китае научно-

исследовательская деятельность была подавлена влиянием конфуцианства, а в Западной Евразии ее стимулировали греческая и иудео-христианская традиции, — то можно снова констатировать непонимание необходимости установить исходные причины, то есть объяснить, почему традиция конфуцианства зародилась не в Западной Евразии, а иудео-христианская этика — не в Китае. Я уж не говорю о том, что такой ответ оставляет без объяснения факт технологического превосходства конфуцианского Китая над Западной Европой в период, продолжавшийся приблизительно до 1400 г. н. э.

Сосредоточив внимание исключительно на западноевразийских обществах, невозможно понять даже их самих. Поскольку интереснее всего выяснить, в чем их отличительные черты, нам не обойтись без понимания обществ, от которых они отличаются, — только тогда мы сможем поместить общества Западной Евразии в более широкий контекст.

Возможно, кому-то из читателей покажется, что я ударяюсь в крайность, противоположную традиционной историографии, а именно уделяю слишком мало внимания Западной Евразии за счет остальных частей мира. Здесь я бы возразил, что остальные части мира — очень полезное пособие для историка хотя бы потому, что, несмотря на ограниченное географическое пространство, в них иногда уживается великое многообразие обществ. Другие читатели, я допускаю, согласятся с мнением одного из рецензентов этой книги. В слегка укоризненном тоне он заметил, что я, видимо, смотрю на всемирную историю как на луковицу, в которой современный мир образует лишь наружную оболочку и слои которой следует очищать, чтобы добраться до исторической истины. Но ведь история и есть такая луковица! К тому же снимать ее слои — занятие не только исключительно увлекательное, но и имеющее огромную важность для сегодняшнего дня, когда мы стараемся усвоить уроки нашего прошлого для нашего будущего.

Пролог
Вопрос Яли

Всем нам хорошо известно, что история народов, населяющих разные части земного шара, протекала очень неодинаково. За тринадцать тысяч лет, минувших с конца последнего оледенения, в некоторых частях мира развились индустриальные общества, владеющие письменностью и металлическими орудиями труда, в других — бесписьменные аграрные общества, в третьих — лишь общества охотников-собирателей, владеющих технологиями каменного века. Это сложившееся в истории глобальное неравенство до сих пор отбрасывает тень на современность — как минимум потому, что письменные общества с металлическими орудиями завоевали или истребили все остальные. И хотя указанные различия составляют наиболее фундаментальный факт всемирной истории, вопрос об их происхождении остается предметом дебатов. Однажды, двадцать пять лет назад, в простой и непосредственной форме этот трудный вопрос адресовали мне самому.

В июле 1972 г. я занимался исследованием эволюции птиц на тропическом острове Новая Гвинея и в один из дней прогуливался вдоль берега моря. В тот же самый день местный политик по имени Яли, о популярности которого я уже был наслышан, посещал соседний выборный округ. Случилось так,

что наши пути пересеклись: мы шли по пляжу в одном направлении, и он меня нагнал. Следующий час мы провели в совместной прогулке, в течение которой не переставая беседовали.

Яли излучал обаяние и энергию, а взгляд его буквально гипнотизировал. Он уверенно говорил о собственных делах, но вместе с тем задавал множество дельных вопросов и с величайшим вниманием выслушивал ответы. Наша беседа началась с предмета, занимавшего тогда умы каждого новогвинейца, — скорых политических реформ. Папуа — Новая Гвинея, как называется сегодня страна Яли, в то время еще управлялась Австралией по мандату ООН, однако будущая независимость уже витала в воздухе. Яли обстоятельно рассказывал мне о своей роли в подготовке местного населения к самоуправлению.

На каком-то этапе Яли развернул течение разговора и начал засыпать меня вопросами. Он не бывал нигде, кроме Новой Гвинеи, и имел только среднее образование, однако его любопытство было неистощимо. Прежде всего он хотел знать о моих занятиях новогвинейскими птицами (в том числе хорошо ли мне за это платят). Я рассказал ему, как разные группы птиц последовательно колонизировали Новую Гвинею на протяжении миллионов лет. Затем, в ответ на вопрос Яли, я рассказал, как предки его собственного народа оказались на Новой Гвинее несколько десятков тысяч лет назад и как европейцы колонизировали Новую Гвинею на протяжении последних двух столетий.

Несмотря на то что наш разговор все время оставался дружелюбным, напряжение между двумя обществами, которые мы с ним представляли, было хорошо знакомо и ему, и мне. Еще 200 лет назад все обитатели Новой Гвинеи жили в “каменном веке”. Иначе говоря, они по-прежнему пользовались каменными орудиями, которые в Европе уже несколько тысячелетий были вытеснены металлическими, а их деревни по-прежнему не были объединены в рамках единой политической иерархии. Когда на остров прибыли белые, они ввели централизованное управление и познакомили новогвиней-

цев с вещами, которые те немедленно оценили: от стальных топоров, спичек и лекарств до тканой одежды, безалкогольных напитков и зонтов. На Новой Гвинее все эти вещи получили собирательное название “карго”.

Многие из колонизаторов открыто презирали островитян за “примитивность”. Уровень жизни даже наименее способных белых “хозяев”, как их все еще продолжали называть в 1972 г., был гораздо выше, чем у коренных новогвинейцев, — выше, чем даже у такого популярного лидера, как Яли. С другой стороны, мы с Яли имели богатый опыт общения и с белыми, и с новогвинейцами, и поэтому оба прекрасно понимали, что последние в среднем уж точно не глупее первых. Все это, наверное, и было у Яли на уме, когда, в очередной раз пристально взглянув на меня своими сверкающими глазами, он задал вопрос: “Почему вы, белые, накопили столько карго и привезли его на Новую Гвинею, а у нас, черных, своего карго было так мало?”

Этот простой вопрос затрагивал самую сущность жизни, как ее воспринимал Яли. Ведь и правда, между образом жизни среднего новогвинейца и образом жизни среднего европейца или американца пролегает пропасть. Что-то похожее можно сказать и об отличиях народов Запада от других народов мира. У такого колоссального несоответствия должны иметься веские причины — причины, которые, по идее, должны быть очевидны.

Как бы то ни было, элементарный на первый взгляд вопрос Яли — из разряда труднейших. Я, например, в тот раз так и не нашелся, что ответить. У профессиональных историков до сих пор нет единодушного ответа на этот вопрос, а большинство даже перестали им задаваться. Все время, прошедшее с момента нашей случайной беседы, я изучал и описывал в своих работах другие аспекты человеческой эволюции, истории и языка. В этой книге, написанной двадцать пять лет спустя, я хочу наконец дать ответ на вопрос Яли.

■

Вопрос Яли касался лишь бросавшегося в глаза контраста между образом жизни новогвинейцев и белых европейцев. Но его можно экстраполировать и на множество других контрастов современности. Народы евразийского происхождения, особенно те, кто до сих пор живет в Европе и Восточной Азии, а также те, кто обрел новую родину в Северной Америке, со своим богатством и могуществом занимают доминирующее положение в современном мире. Другие народы, в том числе большинство африканских, сбросили европейское колониальное владычество, но остались далеко позади. Третьи, например аборигены Австралии, обеих Америк и южной оконечности Африки, перестали даже быть хозяевами своей земли — как следствие завоевания и истребления, иногда поголовного, которому подвергли их колонизаторы-европейцы.

Стало быть, вопросы о неравенстве в современном мире можно переформулировать следующим образом. Почему богатство и могущество оказались распределены так, как они распределены сегодня, а не как-то иначе? В частности, почему не коренные американцы, африканцы и аборигены Австралии истребляли и покоряли европейцев и азиатов, а наоборот?

Мы легко можем отодвинуть предмет вопроса на один шаг назад. К 1500 г. н. э., когда колониальная экспансия европейцев по всему миру только начиналась, народы на других континентах уже многим отличались от них в аспекте технологий и политической организации. На большей части территории Европы, Азии и Северной Африки существовали государства или империи, имевшие развитую металлургию, а некоторые из них уже находились на пороге промышленной революции. Два коренных американских народа, ацтеки и инки, правили империями, жители которых обходились каменными орудиями. Части южной и тропической Африки были поделены между мелкими государствами или вождями, подданные которых пользовались железными орудиями. Ос-

тальные народы — включая население Австралии и Новой Гвинеи, многих островов Тихого океана, большей части обеих Америк и небольших областей Африки — в основном существовали как земледельческие племена или как бродячие общины охотников-собирателей и знали только каменные орудия.

Разумеется, именно эти технологические и политические различия в 1500 г. были непосредственной причиной неравенства в современном мире. Империи, вооруженные стальным оружием, были способны покорить или уничтожить племена с оружием из камня и дерева. Но каким образом мир пришел к тому положению, которое установилось к 1500 г.?

Опять же мы можем легко отодвинуть предмет вопроса еще на один шаг назад, опираясь на письменные источники и археологические открытия. До конца последнего оледенения, примерно за 11 тысяч лет до н. э., все народы на земле по-прежнему вели образ жизни охотников-собирателей. Разная скорость развития на разных континентах в промежутке между 11 000 г. до н. э. и 1500 г. н. э. — вот что привело к специфической конфигурации технологического и политического неравенства, оформившейся к концу этого исторического отрезка. Пока аборигены Австралии и многие коренные американцы оставались охотниками-собирателями, на большей части Евразии, во многих регионах обеих Америк и Африки постепенно развивались аграрное хозяйство, скотоводство, металлургия и сложная политическая организация. Также в нескольких районах Евразии и в одном районе Америки самостоятельно возникла письменность. Однако в Евразии все эти нововведения появились раньше, чем где-либо еще. Так, массовое производство бронзовых орудий, только начавшее развиваться в южноамериканских Андах за несколько столетий до 1500 г., было освоено в некоторых областях Евразии за четыре с лишним тысячи лет до этого. Каменные технологии тасманийцев, впервые увиденные европейскими путешественниками в 1642 г., были примитивнее, чем те, которые суще-

ствовали по всей Европе в верхнем палеолите, то есть на несколько десятков тысяч лет раньше.

Следовательно, мы можем окончательно переформулировать вопрос о неравенстве в современном мире так: "Почему человеческое развитие происходило с разной скоростью на разных континентах?" Именно неравномерность темпов развития составляет наиболее широкий контекст истории и в таковом качестве является темой моей книги.

Хотя данная книга в конечном счете оказывается посвящена истории и доисторическому периоду, ее тема представляет не только академический интерес, но и огромную важность в практическом и политическом аспекте. История взаимодействия между неравными народами, история завоеваний, эпидемий и геноцида — вот фон, на котором происходило становление современного мира. Ее коллизии породили резонанс, который мы ощущаем по прошествии многих столетий и который продолжает активно влиять на текущую ситуацию в наиболее проблемных регионах планеты.

В качестве примера достаточно привести Африку, значительная часть которой по-прежнему пытается справиться с наследием недавно сброшенного колониализма. В других регионах — среди которых Центральная Америка, Мексика, Перу, Новая Каледония, бывший Советский Союз, частично Индонезия — противостояние все еще многочисленного коренного населения и правящего класса, в котором доминируют потомки чужаков-завоевателей, выливается в форму политической нестабильности и партизанской войны. Многие другие исконные популяции, в частности гавайцы, австралийские аборигены, народы Сибири, индейцы США, Канады, Бразилии, Аргентины и Чили, потерпели такой ущерб в результате истребления и эпидемий, что сегодня их численность не идет ни в какое сравнение с численностью потомков колонизаторов. Лишенные из-за этого возможности вести серьезную гражданскую войну, они тем не менее все увереннее и активнее отстаивают свои права.

Давние столкновения между народами, помимо отголосков в современной политике и экономике, оставили свой след и в лингвистической сфере — в первую очередь речь идет о неминуемом исчезновении большей части существующих сегодня шести тысяч языков, вытесняемых английским, китайским, русским и несколькими другими, количество говорящих на которых за последние столетия колоссально выросло. Совокупность всех перечисленных проблем современности есть производное от разности исторических траекторий, констатация которой содержалась в вопросе Яли.

■

Прежде чем устремиться на поиски ответа, нам следовало бы сделать паузу и рассмотреть аргументы тех, кому само обсуждение вопроса Яли кажется ненужным или вредным. Есть люди, которые по разным причинам считают обидной даже саму его постановку.

Первое возражение сводится к следующему. Если у нас получится объяснить, как вышло, что одни люди заняли господствующее положение над другими, разве не послужит это оправданием самому факту господства? Разве не будет такое объяснение в сущности означать, что текущий расклад сил являлся неизбежным и что поэтому бессмысленно пытаться его сегодня менять? Данное возражение — один из примеров всеобщей склонности путать объяснение причин с оправданием результатов или безропотным их принятием. Какой цели будет служить историческое объяснение — вопрос, отдельный от самого объяснения. К тому же в реальности понимание причин некоей ситуации чаще используется для ее изменения, нежели для удержания или воспроизведения. Именно с такой целью психологи пытаются понять склад ума убийц и насильников, историки общества пытаются выяснить корни геноцида, а медики — причины человеческих заболеваний. Исследователи не стремятся оправдать убийство, сексуальное насилие, геноцид

или болезнь. Напротив, они стремятся лучше разобраться в цепи причин и следствий для того, чтобы суметь ее разорвать.

Во-вторых, разве сама попытка дать ответ на вопрос Яли не указывает автоматически на евроцентристский подход к истории, возвеличивание западноевропейцев и подспудную убежденность в том, что Западная Европа и европеизированная Америка занимают главенствующее положение в современном мире? Разве это главенство не является преходящим феноменом, характеризующим лишь последние два века и сегодня постепенно сходящим на нет на фоне набирающих силу Японии и Юго-Восточной Азии? Здесь я лишь укажу, что моя книга будет в основном посвящена народам, живущим вне Европы. Не ограничиваясь освещением контактов европейцев и неевропейцев, мы также рассмотрим взаимодействие между различными неевропейскими народами, в первую очередь те случаи, которые касаются коренных обитателей Африки к югу от Сахары, Юго-Восточной Азии, Индонезии и Новой Гвинеи. Вместо того чтобы возвеличивать западноевропейцев, мы убедимся, что базовые элементы их цивилизации первоначально развились у народов, живших в других географических областях, и лишь позднее были импортированы в Западную Европу.

В-третьих, разве само употребление терминов "цивилизация", "подъем цивилизации" и т. п. не создает ложного впечатления, что цивилизация есть благо, жизнь в условиях охотничье-собирательского племенного строя ужасна, а история последних тринадцати тысяч лет представляет собой поступательное движение ко все большему и большему счастью людей? Не знаю, как другие, но лично я не исхожу из того, что жить в промышленно развитом государстве "лучше", чем в первобытном племени, или что переход от охоты и собирательства к государству и металлическим орудиям воплощает собой "прогресс", или что такой прогресс сделал людей более довольными своей жизнью. По моим собственным впечатлениям, оформившимся за годы попеременного проживания в

американских городах и новогвинейских деревнях, так называемые блага цивилизации — вещь неоднозначная. Скажем, по сравнению с охотниками-собирателями граждане современных индустриальных государств имеют лучшие условия для заботы о своем здоровье, меньше рискуют погибнуть от руки другого человека, дольше живут, но в то же время имеют значительно меньше возможностей опереться на поддержку окружающих — друзей и родственников. Моим мотивом в анализе географических различий между человеческими обществами является не возвеличивание одного типа общества за счет другого, а всего лишь выяснение того, что же произошло в истории.

■

Неужели, чтобы ответить на вопрос Яли, нельзя обойтись без написания еще одного трактата? Может быть, ответ нам уже известен? И если известен, то каков этот ответ?

Наверное, самый популярный ответ — это тот, который явно или подспудно предполагает, что разные народы отличаются друг от друга на биологическом уровне. На протяжении столетий, минувших после 1500 г. н. э., европейские первопроходцы, все больше узнавая, сколь далеки друг от друга народы мира в технологическом и политическом отношениях, истолковывали эти отличия как следствие разницы врожденных способностей. С возникновением и популяризацией теории Дарвина такие объяснения были переформулированы в терминах естественного отбора и эволюционной родословной. В первобытных народах с их примитивными технологиями стали видеть рудимент эволюции человечества из его обезьяноподобных предков. Вытеснение этих народов колонизаторами, представлявшими промышленно развитые общества, тем самым превращалось в иллюстрацию к тезису о выживании наиболее приспособленных. Позднее, с распространением науки о наследственности, объяснения подновили

снова, теперь заимствовав терминологию у генетики. В интеллектуальном отношении европейцев стали считать генетически более способными, чем африканцев или тем более австралийских аборигенов.

Сегодня в некоторых сегментах западного общества расизм отвергается и осуждается публично. Тем не менее множество его членов (а может быть, и большинство!) все так же оперирует расистскими доводами либо наедине с самими собой, либо подсознательно. В Японии и многих других странах подобные теории нередко провозглашаются во всеуслышание и без стеснения. Когда заходит речь об австралийских аборигенах, выясняется, что даже у образованных белых американцев, европейцев и австралийцев представление о них неразрывно связано с идеей примитивности. Определенно, внешне они слишком отличаются от белых. Многим из живущих ныне потомков аборигенов, уцелевших в эпоху европейской колонизации, с трудом удается найти путь к экономическому преуспеянию в белом австралийском обществе.

Сама аргументация, на первый взгляд безукоризненная, звучит так. Белые колонисты построили в Австралии письменное, индустриальное, политически централизованное демократическое общество, базирующееся на использовании металлических орудий и производстве продовольствия, и все это в рамках столетия, потребовавшегося на освоение континента, на котором аборигены — охотники-собиратели с племенным строем и отсутствием металлических орудий — жили по меньшей мере сорок тысяч лет. Мы имеем два последовательных эксперимента в человеческом развитии, в которых природные условия были одинаковы и единственной переменной являлись люди, их осваивавшие. Разве нужно еще какое-то доказательство для окончательного суждения о том, что отличия между коренным австралийским и европейским обществами проистекают из отличий между самими людьми?

Возражение против расистских построений такого рода не ограничивается тем, что они омерзительны; дело в том,

что они еще и ошибочны. Адекватных подтверждений существования у человеческих обществ интеллектуальных различий, параллельных различиям технологическим, у нас нет. На самом деле, как я покажу чуть ниже, современные народы каменного века в среднем скорее более, а не менее разумны, чем народы века индустриального. Как ни парадоксально это прозвучит, из 15-й главы нам предстоит понять, что белые переселенцы в Австралии не заслуживают репутации строителей письменного, промышленно развитого и обладающего прочими вышеперечисленными достоинствами общества. Следует также заметить, что народы, еще недавно знавшие только примитивные технологии — те же австралийские аборигены и новогвинейцы, — запросто осваивают промышленные технологии, когда им предоставляется такая возможность.

Немало сил было потрачено специалистами по когнитивной психологии, чтобы установить разницу усредненных интеллектуальных показателей у народов разного географического происхождения, в настоящее время живущих в одной и той же стране. Скажем, в США многочисленные белые психологи десятилетиями пытались продемонстрировать, что черные американцы с африканскими корнями в среднем хуже соображают от рождения, чем белые американцы с европейскими корнями. Тем не менее хорошо известно, насколько сильно отличаются сравниваемые народы по социальным условиям и образовательным возможностям. Это обстоятельство вдвойне затрудняет любую проверку гипотезы о зависимости технологических отличий от отличий на уровне интеллекта. Во-первых, поскольку даже на наших познавательных способностях в зрелом возрасте ощутимо сказывается социальное окружение, в котором мы выросли, сложно вычленить какое-либо влияние исходных генетических различий из всего предшествующего фона. Во-вторых, в тестах на когнитивные способности (вроде проверки коэффициента интеллекта), как правило, измеряется усвоение определенных

культурных навыков, а не чистый врожденный интеллект (чем бы ни был этот последний). Поскольку результаты тестов бесспорно зависят от социального окружения в детстве и обретенных культурных навыков, старания психологов по сей день остаются безуспешными: убедительно доказать постулат о генетически обусловленном низком уровне интеллекта у небелых народов им так и не удалось.

Моя позиция в данном споре опирается на тридцатитрехлетний опыт работы с новогвинейцами в их собственном обществе, сохранившем древний уклад. С самого начала нашего сотрудничества я был поражен тем, что новогвинейцы оказались людьми в среднем более сообразительными, более внимательными, лучше способными выражать свои мысли и активнее интересующимися окружающим миром, чем средний европеец или американец. В выполнении некоторых задач, явно показательных с точки зрения работы мозга, — например, способности составить воображаемую карту незнакомой территории, — они обнаруживают куда больше сноровки, чем обитатели западного мира. Разумеется, новогвинейцы, как правило, плохо справляются с заданиями, выполнять которые западных людей, в отличие от них, учат с детства. Поэтому и ни по чему другому, оказавшись в городе, выходцы из глухих новогвинейских деревень, никогда не сидевшие за партой, кажутся западным людям столь недалекими. Мне тоже всегда приходится вспоминать, как глупо я выгляжу в глазах новогвинейцев, когда мы вместе оказываемся в джунглях и я обнаруживаю свою несостоятельность в самых простых вещах (например, в умении не сбиваться с тропы или в возведении укрытия от непогоды), которым новогвинейцы были обучены еще детьми, а я нет.

Нетрудно представить себе как минимум две возможных причины, подтверждающие мое впечатление от новогвинейцев как от людей более сообразительных, чем жители Запада. Во-первых, европейцы уже несколько тысячелетий живут плотными популяциями, в условиях общественного устрой-

ства, предполагающего централизованное управление, наличие полиции и судебных органов. В этих обществах эпидемии инфекционных болезней (например, оспы), сопутствующие высокой популяционной плотности, исторически являлись главным фактором смертности, тогда как убийства были сравнительно немногочисленными, а состояние войны представляло скорее исключение, чем правило. Большинство европейцев, переживших фатальные эпидемии, также избежали и других потенциальных причин смерти, что позволило им передать по наследству свои гены. Сегодня большинство живорожденных детей на Западе так же счастливо избегают смерти от инфекций и успешно воспроизводят себя вне зависимости от уровня интеллекта и генетических характеристик. Новогвинейцы же, напротив, все эти тысячелетия жили в обществах, численность которых была слишком низка для возникновения эпидемических заболеваний, свойственных густонаселенным территориям. Зато они чаще умирали от убийств, непрекращающихся межплеменных войн, несчастных случаев и недостатка продовольствия.

У более сообразительных людей шанс избежать действия главных причин смертности, характерных для традиционных новогвинейских обществ, выше, чем у менее сообразительных. При этом характерная для традиционных европейских обществ смертность от эпидемических заболеваний почти никак не соотносится с уровнем интеллекта, зато соотносится с генетически передаваемой сопротивляемостью организма, связанной с особенностями внутренних химических процессов. Так, люди со второй или четвертой группой крови обладают большей устойчивостью к вирусу оспы, чем люди с первой группой. Другими словами, естественный отбор, поощряющий гены, ответственные за интеллект, на Новой Гвинее наверняка действовал гораздо безжалостнее, чем в более густонаселенных, сложно организованных обществах, где на первом месте оказался естественный отбор по признакам, связанным с химическими особенностями организма.

Помимо этой генетической причины возможного интеллектуального превосходства современных новогвинейцев над жителями Запада, есть и еще одна. Современные европейские и американские дети проводят огромную часть своего времени в пассивных развлечениях — благодаря кино, радио и телевидению. В среднестатистической американской семье телевизор не выключается семь часов в сутки. Напротив, дети в новогвинейских традиционных обществах фактически лишены возможностей пассивных развлечений, в отсутствие которых они проводят почти все время бодрствования в активных занятиях — в разговорах и играх с другими детьми или со взрослыми. Исследователи детской психологии практически в один голос говорят о важности поощрения и активности для ментального развития ребенка и подчеркивают, что недостаток стимулирования необратимо его затормаживает. Бесспорно, более высокий в среднем уровень развития умственной деятельности, который демонстрируют новогвинейцы, определяется и этим, негенетическим фактором.

Итак, во-первых, у новогвинейцев, скорее всего, есть генетическое преимущество перед жителями Запада с точки зрения умственных способностей, и, во-вторых, они, несомненно, находятся в более завидном положении, ибо избавлены от интеллектуально неблагоприятных условий, в которых растут сегодня большинство детей в промышленно развитых странах. Определенно, ничто даже не намекает на сравнительную интеллектуальную *не*полноценность новогвинейцев, которая могла бы послужить ответом на вопрос Яли. С помощью тех же самых двух факторов, связанных с генетикой и условиями детского развития, вполне можно провести различие не только между новогвинейцами и жителями современного Запада, но и вообще между охотничье-собирательскими и другими технологически примитивными обществами, с одной стороны, и технологически развитыми обществами, с другой. Стало быть, традиционную предпо-

сылку расистского мировоззрения приходится перевернуть с ног на голову. Почему же именно европейцы, несмотря на свою вероятную генетическую ущербность и (в настоящее время) ущербность условий развития подрастающего поколения, смогли накопить намного больше *карго*, чем все остальные? Почему новогвинейцы оказались в результате обладателями самых примитивных технологий, несмотря на свой, как я убежден, выдающийся интеллект?

■

Генетическое объяснение — не единственный возможный ответ на вопрос Яли. Еще одно объяснение, популярное у уроженцев Северной Европы, апеллирует к гипотезе о стимулирующем воздействии холодного климата их региона и затормаживающем воздействии жаркого и влажного климата тропиков на творческую активность людей. Возможно, сезонный климат высоких широт ставит перед человеком более разнообразные задачи, чем сезонно неизменный тропический климат. Возможно, выживание в холодных климатических условиях требует от человека большей технической изощренности, поскольку ему нужно построить себе теплый дом и обзавестись теплой одеждой, тогда как в тропиках можно выжить в сравнительно нехитром убежище и без одежды. В ином случае аргумент выворачивается наизнанку, но приводит к тому же заключению: длинные зимы в высоких широтах оставляют человеку много времени, чтобы сидеть дома и изобретать.

Популярное в прошлом, объяснение такого типа тоже не выдерживает анализа. Как мы увидим в дальнейшем, до последнего тысячелетия народы Северной Европы не могли похвастаться никаким фундаментально важным вкладом в прогресс цивилизации; им просто повезло жить в географическом регионе, дававшем удобную возможность заимствовать новшества (такие как сельское хозяйство, колесо, письмен-

ность, металлургия), приходящие из более теплых частей Евразии. В Новом Свете высокоширотные холодные регионы лежали еще дальше, в стороне от человеческого прогресса. Единственное аборигенное общество на обоих Американских континентах, которое придумало собственную письменность, базировалось в Мексике, к югу от тропика Рака; древнейшая керамика Нового Света происходит из экваториального региона в Южной Америке; самые выдающиеся достижения коренных американцев в искусстве, астрономии и некоторых других областях культуры, по общему признанию, принадлежат майянской цивилизации классического периода, существовавшей в тропиках Юкатана и Гватемалы в I тысячелетии н. э.

Третий вариант ответа на вопрос Яли исходит из предположения о преимущественной роли низменных речных долин в местах с засушливым климатом, где развитие высокоэффективного сельского хозяйства зависело от наличия масштабных оросительных систем, в свою очередь требовавших наличия централизованной бюрократии. Это объяснение подсказывается тем бесспорным фактом, что древнейшие известные нам империи и системы письменности происходят из долины Тигра и Евфрата в регионе Плодородного полумесяца и из долины Нила в Египте. Системы распределения водных ресурсов, по всей видимости, существовали в связке с централизованной бюрократией и в других областях мира, включая долину Инда на Индостане, долины Хуанхэ и Янцзы в Китае, мезоамериканские низменности, обжитые индейцами майя, а также пустыни перуанского побережья.

Тем не менее детальные археологические исследования показали, что появление сложных ирригационных сооружений не *сопровождало* рост централизованной бюрократии, а *следовало* за ним со значительным отрывом. То есть политическая централизация оформилась по какой-то другой причине и лишь затем создала возможность для масштабного строительства систем водоснабжения. Никакие принципи-

альные новшества, предшествующие политической централизации в перечисленных регионах мира, не были привязаны ни к речным долинам, ни к ирригационному строительству. Например, в регионе Плодородного полумесяца производство продовольствия и поселения деревенского типа возникли в холмистых и гористых частях, а отнюдь не в низменных речных долинах. Долина Нила оставалась регионом культурного застоя еще примерно три тысячи лет после того, как сельское хозяйство начало развиваться на холмах Плодородного полумесяца. Речные долины на юго-западе Соединенных Штатов в определенный момент стали местом обитания сложно устроенных обществ, практикующих ирригационное земледелие, — но лишь после того, как многие элементы культуры, на которых базировался их уклад, были импортированы из Мексики. Речные долины Юго-Восточной Австралии все это время оставались пристанищем племенных обществ, вообще обходившихся без земледелия.

Еще один существующий вариант объяснения сводится к перечислению непосредственных факторов, позволивших европейцам уничтожить или покорить другие народы, — в первую очередь это огнестрельное оружие, инфекционные болезни, стальные орудия труда и промышленно изготавливаемые товары. Данное объяснение ближе к истине, так как упомянутые факторы бесспорно *были* напрямую ответственны за успех европейских завоеваний. Однако эта гипотеза — не вся истина, поскольку представляет собой лишь проксимальное (то есть первое по порядку) объяснение, фиксирующее непосредственные причины. Она выводит нас на поиск удаленных, исходных причин заложенным в ней вопросом: почему именно у европейцев, а не у африканцев или коренных американцев появились ружья, наиболее опасные микробы и сталь?

Несмотря на относительную успешность анализа исходных причин в случае европейского завоевания Нового Света, ситуация в Африке остается для нас большой загадкой. Ведь

на территории этого континента протолюди развивались дольше всего и, возможно, впервые появились люди с современным анатомическим строением; кроме того, африканские эндемические заболевания типа малярии и желтой лихорадки в свое время оказались смертоносны для европейских первопроходцев. Если такая гигантская фора в развитии что-то значит, почему ружья и сталь не появились сначала в Африке, что позволило бы африканцам и их болезнетворным возбудителям завоевать Европу? И чем объяснить тот факт, что австралийские аборигены так и остались на охотничье-собирательской стадии с ее каменным инструментарием?

Вопросы, естественно вытекавшие из сравнения человеческих обществ в разных уголках планеты, прежде всерьез занимали историков и географов. Самой знаменитой современной попыткой ответа на них стало двенадцатитомное "Постижение истории" Арнольда Тойнби. Тойнби поставил перед собой задачу проследить внутреннюю динамику 23 развитых цивилизаций, из которых 22 обладали письменностью, а 19 существовали на территории Евразии. Доисторические времена и проще организованные, бесписьменные общества интересовали его куда меньше. Тем не менее, поскольку корни неравенства в современном мире уходят далеко в доисторическое прошлое, труд Тойнби не был ответом на вопрос Яли и он не достиг уровня обобщения, адекватного для анализа того, что я считаю наиболее широким контекстом истории. Другие труды по всемирной истории имеют ту же склонность уделять основное внимание развитым письменным цивилизациям Евразии последних пяти тысяч лет — они содержат лишь краткое повествование о доколумбовых цивилизациях Америки и совсем скупо освещают остальной мир, главным образом касаясь его позднейших контактов с евразийскими цивилизациями. Со времен Тойнби задача представить глобальный синтез исторических причин и следствий утратила очарование в глазах большинства историков, посчитавших ее слишком трудноосуществимой.

За это время, благодаря усилиям специалистов в других областях науки, мы сумели познакомиться с обобщающим синтезом их дисциплинарных предметов. Особенно полезными для историков стали работы представителей экологической географии, культурной антропологии, палеоэпидемиологии и отрасли биологии, занимающейся доместикацией растений и животных. Их исследования привлекли внимание к отдельным частям общей картины, но то были лишь разрозненные фрагменты на фоне по-прежнему отсутствующего всеобъемлющего синтеза.

Таким образом, общепринятого ответа на вопрос Яли не существует. С одной стороны, проксимальные объяснения никто не оспаривает: одни народы обзавелись ружьями, микробами, сталью и прочими факторами политического и экономического могущества раньше остальных, а у некоторых они не появились вообще. С другой стороны, столь же бесспорных фундаментальных объяснений (например, того факта, что бронзовые орудия труда в Евразии возникли очень давно, в Новом Свете — гораздо позже и на ограниченной территории, а в Австралии — никогда) у нас по-прежнему нет.

Отсутствие фундаментальных объяснений такого рода представляет собой серьезный интеллектуальный пробел, поскольку оно по-прежнему не дает нам осмыслить наиболее широкий контекст истории. Однако гораздо серьезней моральный вакуум, требующий безотлагательного заполнения. Любому человеку, будь он самый закоренелый расист или антирасист, совершенно очевидно, что историческое развитие привело разные народы к разным результатам. Современные Соединенные Штаты — общество, сформированное европейцами, которые населили земли, отвоеванные у коренных американцев, и включающее в себя потомков миллионов черных уроженцев тропической Африки, привезенных в Америку в качестве рабов. Между тем современная Европа не является обществом, сформированным черными уроженцами

тропической Африки, которые когда-то завезли в нее миллионы рабов-индейцев.

Эти результаты исторического развития предельно асимметричны: история не сложилась так, что американская, австралийская и африканская территория была на 5% покорена европейцами, а 49% европейской территории были покорены коренными американцами, австралийскими аборигенами или африканцами. Конфигурация всего современного мира есть следствие перекоса исторического развития, поэтому его неравнозначные результаты должны иметь неоспоримое объяснение, более фундаментальное, нежели детальный рассказ о том, как однажды, несколько тысяч лет тому назад, кому-то посчастливилось победить в каком-то сражении или изобрести какое-либо приспособление.

Логично предположить, что схема исторического развития отражает врожденные различия между самими людьми, — во всяком случае, это *кажется* логичным. Конечно, нас учили, что неприлично говорить об этом во всеуслышание. Мы читаем отчеты о специализированных исследованиях, утверждающие, что их авторам удалось доказать наличие врожденных этнических отличий, и также читаем опровержения, утверждающие, что в названных исследованиях были допущены принципиальные технические просчеты. Мы сами, оглядываясь вокруг, замечаем, что некоторые из покоренных народов продолжают существовать на нижних этажах общества, несмотря на то что после окончания завоеваний или прекращения работорговли минули столетия. Нам говорят, что и в этом нужно усматривать след не биологической неполноценности, а неблагоприятных социальных условий и ограниченных возможностей.

Так или иначе, мы не можем не искать ответа. Мы не можем не видеть всех этих вопиющих, никуда не исчезающих различий между жизнью разных этнических групп. Нас уверяют, что кажущееся самоочевидным биологическое объяснение неравенства, сложившегося в мире к 1500 г., ложно, но

не предлагают взамен истинного. До тех пор пока у нас не будет убедительного, достаточно конкретного и непротиворечивого объяснения глобального контекста исторического развития, большинство не избавится от подозрения, что расистские биологические теории все-таки близки к истине. Мне кажется, это самый веский довод в пользу написания данной книги.

■

Журналисты часто просят авторов сформулировать содержание их объемистых трактатов в одном предложении. Для этой книги у меня оно уже сформулировано: “История разных народов сложилась по-разному из-за различий в географических условиях их обитания, а не из-за биологических различий между ними самими”.

Естественно, тезис о влиянии физической и биологической географии на социальное развитие оригинальной идеей не назовешь. Как бы то ни было, у сегодняшних историков он не в чести: его либо считают ложным, в лучшем случае слишком упрощенным, либо представляют в карикатурном виде под именем географического детерминизма и отметают начисто; в ином случае само намерение понять глобальные различия не находит поддержки как слишком труднореализуемое. И все-таки никто не спорит, что *какое-то* воздействие география на историю оказывает. Открытым остается вопрос, насколько глубоко это воздействие и можно ли привлечь географию для объяснения широкого контекста исторического развития.

Сегодня пришла пора взглянуть на эти вопросы свежим взглядом, опираясь на новые сведения, которые были получены отраслями науки, иногда, казалось бы, очень далекими от истории. В первую очередь я имею в виду генетику, молекулярную биологию и биогеографию в их применении к сельскохозяйственным растениям и их диким предкам; те же дис-

циплины плюс поведенческая экология в применении к домашним животным и их диким предкам; молекулярную биологию микроорганизмов человека и родственных им микроорганизмов животных; эпидемиологию человеческих заболеваний; генетику человека; лингвистику; археологические исследования на всех континентах и крупных островах; наконец, исследования в области истории техники, письменности и политической организации.

Это разнообразие дисциплин известным образом осложняет задачу потенциальных авторов, пожелавших дать ответ на вопрос Яли. Любой такой автор должен обладать достаточно широкой компетенцией, охватывающей все вышеперечисленные области, чтобы суметь обобщить их достижения в соответствующих областях. Кроме того, результирующий синтез должен вобрать в себя не только историю, но и доисторический период каждого континента. Несмотря на исторический предмет, подход автора должен быть естественнонаучным — конкретно говоря, позаимствованным из таких исторических наук, как эволюционная биология и геология. Автор должен быть на собственном опыте знаком со всем спектром человеческих обществ — от охотничье-собирательских племен до цивилизаций космического века.

На первый взгляд, из приведенных требований следует, что без коллективного авторства не обойтись. Однако такой поход был бы обречен с самого начала, ведь суть проблемы в том, чтобы выработать единые критерии синтеза. Условие единства требует единоличного авторства, несмотря на все сложности, которые с ним связаны. Такому автору-одиночке неизбежно придется много и усердно трудиться, чтобы усвоить материал разнообразных дисциплин; не справится он и без помощи многих коллег-ученых.

Мой собственный путь привел меня в некоторые из перечисленных дисциплин еще до того, как в 1972 г. Яли задал мне свой вопрос. Моя мать была преподавателем языка и лингвистом, мой отец — врачом, специализировавшимся в генетике

детских болезней. Под влиянием отцовского примера все школьные годы я проучился, собираясь стать врачом. Кроме того, с семилетнего возраста я страстно увлекался наблюдением за птицами. Таким образом, когда на последнем курсе я решил сменить профессиональный ориентир и вместо медицины выбрал биологию, этот шаг дался мне легко. Тем не менее в школе и университете главными элементами моего образования были языки, история и литература. Даже решив получить степень по физиологии, я чуть было не бросил естественные науки ради лингвистики на первом курсе аспирантуры.

После получения докторской степени в 1961 г. мои научные интересы разделились между двумя сферами: молекулярной физиологией с одной стороны и эволюционной биологией и биогеографией — с другой. Эволюционная биология, которой я увлекся без всякой мысли о ее пользе для будущей книги, представляет собой науку исторического типа, то есть она вынуждена опираться на методы, отличающиеся от традиционных методов лабораторной науки. Опыт моих занятий ею дал мне хорошее представление о трудностях, связанных со всякой попыткой выработать научный подход к человеческой истории. Пребывание в Европе с 1958 по 1962 г. и общение с друзьями, на жизнь которых наложили суровый отпечаток события европейской истории XX в., впервые заставили меня всерьез задуматься о том, каким образом взаимодействуют причины и следствия в развертывании исторического процесса.

Последние тридцать три года моей полевой работы в качестве эволюционного биолога вплотную свели меня с представителями огромного многообразия человеческих обществ. Моя специальность — эволюция птиц, изучать которую мне довелось в Южной Америке, Южной Африке, Индонезии, Австралии и особенно на Новой Гвинее. Живя бок о бок с коренными народами этих регионов, я мог вблизи наблюдать уклад многих технологически примитивных

обществ, от племен охотников-собирателей до земледельческих и рыбопромысловых племен, которые еще совсем недавно обходились каменными орудиями. То есть жизнь, которая большинству людей письменной культуры покажется чуждой, атавизмом доисторических времен, для меня является самой яркой частью биографии. На Новую Гвинею, которая занимает лишь небольшую часть земной суши, по-прежнему приходится непропорционально большая доля человеческого разнообразия нашей планеты. Из шести тысяч существующих сейчас в мире языков тысяча принадлежит ее обитателям. Изучение авифауны острова вновь пробудило во мне языковеда — мне было необходимо составлять целые таблицы, в которые я заносил местные названия птиц примерно на сотне из упомянутой тысячи новогвинейских языков.

Из всех этих увлечений выросла моя последняя книга, "Третий шимпанзе", где популярно излагается эволюция человека как вида. В ее четырнадцатой главе, "Случайные завоеватели", я попробовал выяснить, почему историческое столкновение европейцев с коренными американцами привело именно к таким результатам, к каким привело. Уже после завершения работы над книгой я осознал, что другие столкновения между народами, относящиеся как к современной, так и к доисторической эпохе, ставят те же самые вопросы. Стало ясно, что вопрос, который я пытался проанализировать в четырнадцатой главе, по сути отличался от вопроса, заданного мне Яли в 1972 г., только местом действия. Поэтому теперь с помощью многочисленных друзей я наконец постараюсь удовлетворить любопытство Яли — и мое собственное.

■

Главы этой книги разбиты на четыре части. Первая часть, названная "От Эдема до Кахамарки", состоит из трех глав. Первая глава предлагает очень беглый обзор эволюции и истории

человечества, начинающийся с нашего отделения от остальных человекообразных обезьян около 7 миллионов лет назад и завершающийся концом последнего оледенения около 13 тысяч лет назад. Проследив за расселением первых людей — африканцев — по другим континентам, мы получим представление о том, как выглядел мир накануне событий, часто объединяемых под общей рубрикой "возникновение цивилизации". Оказывается, человек на одних континентах к тому времени уже получил фору в том, что касалось его развития, по сравнению с обитателями других материков.

Вторая глава подготавливает нас к изучению влияния географии континентов на их историю за последние 13 тысяч лет на примере меньшего временного и пространственного масштаба. В ней кратко повествуется о различной судьбе полинезийских племен, около 3200 лет назад начавших расселяться по тихоокеанским островам, которые чрезвычайно отличались друг от друга своими природными условиями. Через пару тысячелетий ответвления единого полинезийского праобщества, колонизировавшие эти непохожие острова, уже представляли широкий спектр типов социального устройства — от племенного уклада охотников-собирателей до организации протоимперского характера. Это формирование широкого спектра полинезийских обществ является подходящей моделью куда более длительного, масштабного и непонятного процесса — разветвляющегося развития людей на разных континентах, которое стартовало в конце последнего оледенения и превратило одни общества в племена охотников-собирателей, а другие — в империи.

Третья глава впервые знакомит нас со столкновением между народами, представляющими разные континенты, — в ней словами современников-очевидцев описывается самая драматическая коллизия такого рода в истории, а именно пленение последнего правителя инков Атауальпы в присутствии всего его войска крохотным отрядом конкистадоров под предводительством Франсиско Писарро в перуанском

городе Кахамарка. Цепь непосредственных факторов, не только позволивших Писарро захватить Атауальпу, но и обусловивших завоевание европейцами всех остальных обществ доколумбовой Америки, установить нетрудно. В их число входили занесенные испанцами болезнетворные микроорганизмы, лошади, письменность, политическая организация и технологические достижения (главным образом, морские суда и оружие). Но выявление непосредственных причин представляет собой легкую часть книги; гораздо сложнее идентифицировать исходные причины, которые их породили, — причины, которые привели к известному нам реальному результату, а не к его гипотетической альтернативе, в которой Атауальпа прибывает в Мадрид и пленяет испанского короля Карла I.

Вторая часть, озаглавленная "Возникновение и распространение производства продовольствия" (главы 4–10), посвящена наиболее важной, как мне кажется, совокупности исходных причин. Четвертая глава в общих чертах описывает, каким образом производство продовольствия — а именно выращивание пищи посредством земледелия и животноводства, пришедшее на смену добыче дикой пищи охотой и собирательством, — стало предпосылкой возникновения позднейших факторов, непосредственно обусловивших триумф Писарро. Производство продовольствия в разных частях планеты возникало и развивалось по-разному. Как мы увидим в пятой главе, в одних регионах производство продовольствия возникло самостоятельно; некоторые народы еще в доисторические времена переняли его у жителей этих независимых центров; третьи не пришли к нему сами и не заимствовали его в древности, поэтому еще в начале современной эпохи оставались охотниками-собирателями. Шестая глава исследует многочисленные факторы, способствовавшие переходу от охоты и собирательства к производству продовольствия и объясняющие, почему оно укоренилось в одних регионах, но не в других.

Далее, в седьмой, восьмой и девятой главах рассказывается об одомашнивании — процессе выведения растительных культур и скота из диких растений и животных, о будущих результатах которого первые земледельцы и скотоводы не имели ни малейшего представления. Географическая изменчивость локальных групп диких растений и животных, пригодных для одомашнивания, сама по себе объясняет достаточно многое в вопросе о том, почему лишь несколько областей стали независимыми очагами сельского хозяйства и почему в одних областях оно возникло ранее, чем в других. Зародившееся в этих нескольких очагах производство пищи мигрировало в одни регионы гораздо быстрее, чем в другие. Как выясняется, главным фактором неодинаковых темпов его распространения была ориентация осей континентов: в Евразии доминирующей была ось Запад-Восток, в Америке и Африке — ось Север-Юг (глава 10).

Итак, в главе 3 были намечены факторы, непосредственно обусловившие успех европейского завоевания доколумбовой Америки, а в главе 4 предварительно описано развитие этих факторов из единой исходной причины — производства продовольствия. В третьей части ("От продовольствия к ружьям, микробам и стали", главы 11–14) связи между ближайшими и удаленными причинами прослеживаются более детально, начиная с эволюции паразитирующих микроорганизмов, характерных для обществ с высокой плотностью населения (глава 11). От европейских патогенов погибло гораздо больше коренных американцев и представителей других неевропейских народов, чем от европейского огнестрельного и холодного оружия. И наоборот, в Новом Свете будущие европейские завоеватели почти не рисковали столкнуться со смертельной опасностью в виде эндемичных болезнетворных микробов. Почему взаимообмен микроорганизмами оказался таким неравным? На этот вопрос проливают свет микробиологические исследования последнего времени, установившие связь между эволюцией патогенных микроорганиз-

мов и возникновением производства продовольствия и, кроме того, свидетельствующие, что в Евразии эта связь была более тесной, чем в обеих Америках.

Еще одна причинно-следственная цепочка ведет от производства продовольствия, возможно, к самому важному изобретению последних нескольких тысяч лет — письменности (глава 12). Письменность возникала самостоятельно лишь несколько раз в человеческой истории, и каждый раз это происходило в местах, являвшихся наиболее древними центрами производства продовольствия в своих регионах. Этим первичным очагам были обязаны все прочие общества — они овладели письменной культурой, перенимая либо уже сложившиеся системы письменности, либо саму идею письма. Стало быть, для исследователя всемирной истории феномен письменности представляет особый интерес с точки зрения понимания еще одной совокупности причин: влияния географии на скорость и характер распространения идей и инноваций.

То же, что относится к письменности, относится и к технологиям (глава 13). Здесь принципиально понять, настолько ли технологическое новаторство зависимо от отдельных гениев-изобретателей и множества уникальных культурных факторов, чтобы помешать нам вычленить общезначимую модель технологического развития. В действительности, как мы убедимся, широкое многообразие культурных факторов парадоксальным образом облегчает, а не усложняет понимание путей этого развития. Создав возможность запасать излишки пищи, производство продовольствия позволило земледельческим обществам поддерживать существование профессионалов-ремесленников, которые, будучи свободны от необходимости самим выращивать пищу, занимались развитием технологий.

Научившись производить продовольствие, земледельцы могли прокормить не только писцов и изобретателей, но и профессиональных политиков (глава 14). В кочевых общи-

нах охотников-собирателей люди более или менее равны между собой, а их политическое влияние ограничивается территорией обитания группы и союзами, время от времени заключаемыми с соседями. В производительных обществах, с их оседлостью и высокой плотностью, довольно скоро выделяется прослойка вождей, царей и чиновников. Подобные бюрократии имели важнейшее значение не только для управления крупными и густонаселенными территориями, но и для поддержания боеспособной армии, снаряжения разведывательных морских экспедиций и организации завоевательных войн.

В четвертой части (“Вокруг света за пять глав”, главы 15–19) закономерности, описанные во второй и третьей частях, проверяются на примере всех пяти континентов и нескольких крупных островов. Пятнадцатая глава исследует историю Австралийского континента и крупного острова Новая Гвинея, когда-то составлявшего с ним единое целое. Случай Австралии, исконные обитатели которой еще недавно обходились самыми элементарными технологиями и которая осталась единственным континентом без самостоятельно возникшего производства продовольствия, — это своего рода пробный камень любых теорий, претендующих на объяснение различий между обществами, сложившимися на разных континентах.

Шестнадцатая и семнадцатая главы встраивают события, происходившие в Австралии и на Новой Гвинее, в единую перспективу развития обширнейшего региона, включающего помимо них материковую Восточную Азию и острова Тихого океана. Возникновение производства продовольствия в Китае спровоцировало несколько великих миграций доисторического периода — миграций человеческих популяций, культурных навыков, а часто и того и другого. Одно из таких демографических движений, произошедшее на территории самого Китая, породило политический и культурный феномен Китая, как мы его знаем сегодня. Еще одно привело к вы-

теснению, практически на всей материковой территории тропической Юго-Восточной Азии, изначально населявших ее охотников-собирателей, место которых заняли земледельцы южнокитайского происхождения. Третье движение — так называемая австронезийская экспансия — аналогичным образом вытеснило коренных охотников-собирателей Филиппин и Индонезии и докатилось до самых удаленных островов Полинезии, не затронув, однако, Австралии и большей части Новой Гвинеи. Для исследователя всемирной истории все эти столкновения восточноазиатских и тихоокеанских народов имеют двойное значение: во-первых, в результате них сформировались страны, в которых сегодня проживает треть населения планеты и которые ускоренно наращивают свое экономическое могущество; во-вторых, их пример является особенно наглядным пособием для анализа и понимания исторических судеб остальных народов мира.

Восемнадцатая глава возвращается к теме, впервые затронутой в главе 3, а именно к коллизии, произошедшей в результате контакта народов Европы и доколумбовой Америки. Конспективное изложение истории Нового Света и Западной Евразии на протяжении предшествующих тринадцати тысяч лет со всей ясностью демонстрирует, что европейское покорение Америки явилось лишь естественной кульминацией двух протяженных и большей частью не пересекающихся исторических траекторий. Разница между этими траекториями была предопределена географическими особенностями континентов, а именно различиями в составе пригодных для одомашнивания растений и животных, в микробах, во времени заселения, в ориентации континентальных осей и, наконец, в существующих экологических барьерах.

Освещаемая мной под занавес история Африки к югу от Сахары (глава 19) обнаруживает не только впечатляющие параллели, но и не менее впечатляющий контраст с историей Нового Света. Факторы, предопределившие результаты контакта европейцев с африканцами, были теми же самыми, что

действовали в случае с коренными американцами. Однако в Африке они проявили себя иначе. Покорение континента так и не привело к возникновению многочисленных и долговечных поселений европейцев, кроме его самой южной части. К гораздо более серьезным историческим последствиям привела крупномасштабная популяционная миграция в самой Африке, так называемая экспансия банту. Как выясняется, во многом она была спровоцирована теми же самыми причинами, которые в разное время повлияли на ход событий в Кахамарке, в Восточной Азии, на тихоокеанских островах, а также в Австралии и на Новой Гвинее.

У меня нет иллюзий, что в девятнадцати главах мне удалось содержательно изложить историю пяти континентов за последние тринадцать тысяч лет. Понятно, что справиться с такой задачей в рамках одной книги было бы невозможно, даже если бы мы знали все ответы — а мы их не знаем. Эта книга в лучшем случае вычленяет несколько совокупностей природных факторов, которые, по моему мнению, составляют большую часть ответа на вопрос Яли. В свою очередь, понимание этих факторов фокусирует внимание на аспектах истории, которые так и не получили объяснения и которые тем самым представляют материал для будущей работы.

Эпилог, озаглавленный “Будущее гуманитарной истории как науки”, останавливается на некоторых из этих аспектов, среди которых несходство исторических траекторий разных частей Евразии, историческая роль культурных факторов, не связанных с географией, наконец, роль, которую играют в истории отдельные личности. Но, наверное, самой серьезной из нерешенных проблем остается становление гуманитарной истории как исторического естествознания — в одном ряду с такими признанными дисциплинами, как эволюционная биология, геология и климатология. Изучение истории человечества действительно сопряжено с немалыми трудностями. Однако зарекомендовавшие себя исторические науки, которые я назвал, часто вынуждены решать те же

самые задачи, и, значит, методы, разработанные в некоторых из этих областей, могут оказаться вполне пригодны для гуманитарной истории.

Так или иначе, к настоящему моменту, я надеюсь, мне удалось убедить вас, читателей, что история, вопреки циничному афоризму, — это не “список чертовых фактов”. У истории действительно есть общие закономерности, и пытаться найти им объяснение — занятие не только плодотворное, но и увлекательное.

Часть первая
От Эдема до Кахамарки

Глава 1
Стартовая линия

Удобная точка отсчета — момент, начиная с которого мы будем сопоставлять историческое развитие на разных континентах, — это 11 000 лет до н. э.* Эта дата приблизительно соответствует первым следам поселений деревенского типа, обнаруженных в нескольких частях мира, общепризнанному началу заселения двух Американских континентов, концу плейстоцена и последнего ледникового периода и началу того, что у геологов носит название "современной эпохи". Первые одомашненные животные и окультуренные растения — как минимум в одной части мира — появляются через несколько тысяч лет после этой даты. Если взять поперечный срез всемирной истории на тот момент, не увидим ли мы, что люди на одних континентах уже имели фору в развитии —

* На протяжении всей книги для периода, охватывающего примерно последние пятнадцать тысяч лет, приводятся так называемые откалиброванные радиоуглеродные датировки, которые отличаются от неоткалиброванных. Разница между двумя вариантами датировки будет объяснена в главе 5. Считается, что откалиброванные датировки точнее соответствуют реальному календарю. Читателям, которые привыкли к неоткалиброванным датировкам, нужно вспоминать об этом различии всякий раз, когда в книге они будут встречать ошибочные на первый взгляд цифры, отличающиеся от уже знакомых им в сторону увеличения. Так, если обычно возраст археологического пласта североамериканской культуры кловис определяется в 11 тысяч лет, то у меня он определяется примерно в 13 тысяч лет; датировка, которая чаще всего указывается в литературе, является неоткалиброванной. — *Примеч. автора*.

как минимум какое-то очевидное преимущество — перед людьми на других континентах?

Если так, эта фора, только увеличившаяся за прошедшие тринадцать тысячелетий, дает нам ответ на вопрос Яли. Поэтому настоящая глава будет представлять собой беглый обзор нескольких миллионов лет истории человека на всех континентах, от происхождения его как вида и до времени 13 тысяч лет назад. Весь этот отрезок мне придется уместить меньше чем в двадцать страниц. Естественно, я буду опускать детали и включать в обзор только те тенденции, которые кажутся мне непосредственно относящимися к теме книги.

Нашими ближайшими родственниками на планете являются три ныне существующих вида высших приматов: горилла, обыкновенный шимпанзе и карликовый шимпанзе (известный также как бонобо). То, что ареалом распространения всех трех является Африка, а также масса ископаемого материала свидетельствуют о том, что начальные стадии человеческой эволюции происходили именно на этом континенте. Человеческая история как нечто отдельное от истории животных стартовала в Африке около 7 миллионов лет назад (существующие датировки разнятся от 5 до 9 миллионов лет назад). Примерно в это время популяция африканских приматов разделилась на несколько ветвей, одна из которых привела к формированию современных горилл, вторая — двух современных видов шимпанзе, а третья — человека. Предки горилл, вероятно, выделились в отдельную ветвь чуть раньше, чем разделились ветви шимпанзе и человека.

Ископаемые находки указывают, что приматы, принадлежащие к нашей эволюционной ветви, научились прямохождению около 4 миллионов лет назад, затем, около 2,5 миллионов лет назад, у них стал увеличиваться размер тела и относительный размер мозга. Эти протолюди, известные как австралопитек африканский (*Australopithecus africanus*), человек умелый (*Homo habilis*) и человек прямоходящий (*Homo erectus*), по всей видимости, эволюционно сменяли друг друга

именно в этой последовательности. Хотя *Homo erectus* — стадия, достигнутая около 1,7 миллионов лет назад, — был близок к современным людям с точки зрения параметров тела, объем его мозга по-прежнему не превышал половины нашего. Первые каменные орудия труда распространились около 2,5 миллионов лет назад, однако в ту пору они представляли собой лишь грубейший вид расщепленного или сколотого булыжника. По меркам зоологии, строение и отличительные признаки *Homo erectus* уже многим отличали его от предков-приматов, однако от современного человека он отличался еще больше.

На протяжении пяти-шести миллионов лет история человека разворачивалась в Африке. Первым предком современного человека, распространившимся за пределами Африки, стал *Homo erectus*, о чем свидетельствуют ископаемые останки, обнаруженные в Юго-Восточной Азии, на острове Ява, — отсюда его устоявшееся название "явантроп", "яванский человек" (рис. 1.1). Возраст древнейших останков яванского человека — неясно, мужских или женских, — обычно

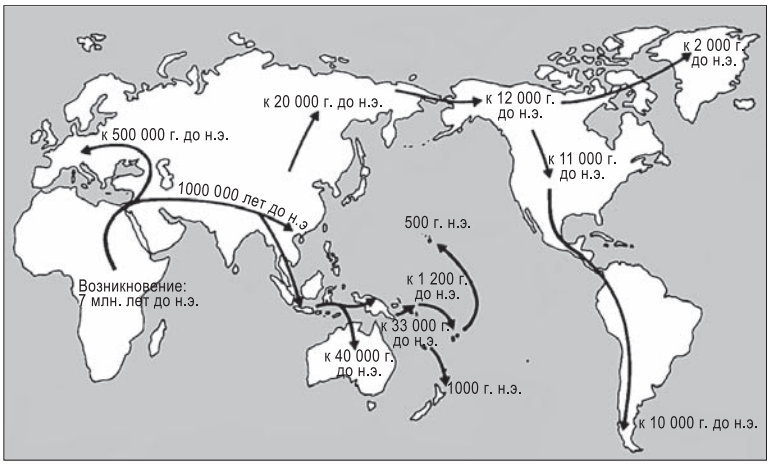

Рис. 1.1. Расселение человека по земному шару.

определяют в миллион лет, но недавно появились аргументы в пользу того, что их реальный возраст — 1,8 миллиона лет. (Строго говоря, название *Homo erectus* относится именно к останкам, найденным на Яве, африканские же находки, классифицируемые как *Homo erectus*, возможно, заслуживают отдельного термина.) На данный момент первейшие бесспорные свидетельства пребывания человека в Европе относят ко времени полумиллионолетней давности, хотя некоторые видят основания говорить и о более ранней дате. Вполне естественно предположить, что колонизация Европы не могла не произойти непосредственно после начала колонизации Азии, поскольку Евразия представляет собой единый массив суши, не разделенный непреодолимыми барьерами.

Здесь мы впервые знакомимся с ситуацией, которая неоднократно будет повторяться на протяжении всей книги. Каждый раз, когда некий ученый утверждает, что обнаружил "древнейший X" — будь то древнейшие ископаемые останки человека в Европе, древнейшие следы окультуренной кукурузы в Мексике или древнейшее что-либо где-либо, — такое заявление провоцирует его коллег на поиск еще более древнего X. В реальности, конечно, древнейший X где-то должен существовать — такой, что все утверждения о более раннем X становятся ложными. Однако мы не раз убедимся, что практически в отношении любого X каждый новый год приносит новые открытия и новые заявления о древнейших найденных экземплярах X, заодно с опровержениями всех или почти всех аналогичных заявлений прошлых лет. Чтобы археологи достигли консенсуса по одному из таких вопросов, часто требуются десятилетия.

У человеческих останков примерно полумиллионолетней давности начинают появляться отличия от более ранних скелетов *Homo erectus* — увеличившиеся, более скругленные, менее угловатые черепа. Черепа африканцев и европейцев того времени настолько сходны с черепами современных людей, что классификация относит их не к *Homo*

erectus, а к нашему виду (*Homo sapiens*). Само такое деление довольно условно, поскольку *Homo erectus* превращался в *Homo sapiens* постепенно. При этом *Homo sapiens* той эпохи по-прежнему отличался от нас некоторыми особенностями скелета, имел значительно меньший мозг, не говоря о громадной разнице во внешнем виде и типе используемых им орудий. Народы современности, еще сравнительно недавно практиковавшие изготовление орудий из камня, в том числе прадеды Яли, с презрением отнеслись бы к примитивным каменным изделиям полумиллионолетней давности. Кроме этого, единственным новым элементом культуры наших предков той эпохи, о котором можно говорить с уверенностью, было овладение огнем.

От первых *Homo sapiens* нам не осталось ни искусства, ни костяных артефактов, ничего, кроме скелетных останков и упомянутых грубых каменных орудий. На этом этапе всемирной истории в Австралии люди даже еще не появились — поскольку, чтобы перебраться туда из Юго-Восточной Азии, им понадобились бы навыки мореплавания и судостроения. Не было людей и в обеих Америках, поскольку это потребовало бы сперва заселить ближайшую часть Евразии (Сибирь), а в какие-то периоды, опять же, наличия хотя бы рудиментарных навыков судостроения. (В эпоху следовавших друг за другом оледенений, то поднимающих, то опускающих уровень моря, мелкий Берингов пролив, отделяющий сегодня Сибирь от Аляски, превращался попеременно то в пролив, то в широкий межконтинентальный перешеек.) Ни к строительству судов, ни к выживанию в холодной Сибири ранний *Homo sapiens* был еще не способен.

После рубежа, отстоящего от нас на полмиллиона лет, между африканской и западноевразийской популяциями *Homo*, а также между ними и восточноазиатской популяцией начало все заметней увеличиваться расхождение в мелких деталях строения скелета. Особенно большое количество костных ископаемых оставили после себя люди, населявшие Ев-

ропу и Западную Азию 130–40 тысяч лет назад, — именно за ними закрепилось название неандертальцев, и их иногда классифицируют как отдельный вид, *Homo neanderthalensis*. Несмотря на растиражированный образ человекоподобного зверя, живущего в пещерах, мозг неандертальца был даже чуть больше нашего. К тому же они были первыми людьми, оставившими после себя явные свидетельства существования у них двух обычаев: хоронить покойников и ухаживать за больными. Тем не менее их каменные орудия по-прежнему были грубее новогвинейских отшлифованных каменных топоров недавнего времени и по-прежнему производились бессистемно — у неандертальцев еще не появилось набора стандартных разновидностей орудий, каждая из которых имела собственную легко опознаваемую функцию.

Немногие дошедшие до нас ископаемые скелеты обитателей Африки той эпохи обнаруживают больше сходства с нашими собственными скелетами, чем со скелетами их современников неандертальцев. Скелетных останков людей, живших в Восточной Азии, найдено совсем мало, и они опять же отличаются и от африканских, и от неандертальских. Что касается образа жизни тогдашних жителей Африки, нагляднее всего о нем свидетельствуют каменные артефакты и кости добытых животных, сосредоточенные на стоянках в южной части континента. Хотя африканцы, жившие 100 тысяч лет назад, имели более современный тип скелета, чем неандертальцы, они изготавливали, по сути, те же самые грубые каменные орудия нестандартизированной формы. Мы ничего не знаем и об их искусстве. Судя по костным остаткам животных, которыми они питались, охотничьи навыки этих африканцев были самыми рудиментарными и в основном нацеленными на легкую добычу животных, совершенно не представляющих опасности. Они еще не научились охотиться ни на буйволов, ни на диких кабанов, ни на других серьезных противников. Они даже не умели добывать рыбу: те их стоянки, что расположены на самом побережье,

не обнаруживают следов ни рыбьих костей, ни рыболовных крючков. Ни их самих, ни их современников-неандертальцев по-прежнему нельзя назвать в полном смысле людьми.

Около 50 тысяч лет назад человеческая история наконец начала свой отсчет. Это случилось в переломный момент, который я называю Великим Скачком Вперед. Самые ранние следы Великого Скачка были обнаружены на местах стоянок древних людей в Восточной Африке: единообразные каменные орудия и первые дошедшие до нас ювелирные украшения (бусы из скорлупы страусиных яиц). Их аналоги вскоре появляются на Ближнем Востоке и юго-западе Европы, где многочисленные артефакты залегают в одном слое со вполне современными скелетами людей, которых называют кроманьонцами. С тех пор мусор, сохраняющийся в местах стоянок, становится все интереснее и интереснее, не оставляя уже никаких сомнений в том, что теперь мы имеем дело с биологически и поведенчески современной разновидностью человека.

Мусорные кучи кроманьонцев изобилуют не только каменными орудиями, но и орудиями из кости — материала, чья сравнительно большая податливость (к примеру, пригодность для изготовления рыболовных крючков), судя по всему, так и не обратила на себя внимания людей предшествующих эпох. У кроманьонцев наконец складывается разнообразие типов инструментов, обладающих настолько современной формой, что нам не приходится сомневаться в их предназначении — это иглы, шила, режущие орудия и т. д. Вместе с цельными орудиями типа ручных скребков впервые появляются составные. Из оружия на кроманьонских стоянках были найдены составные гарпуны, копьеметалки, в более поздних слоях — луки и стрелы (первые предшественники ружей и другого современного сложного оружия). Владея такими эффективными средствами для убийства на безопасном расстоянии, люди получили возможность охотиться на менее безобидных животных, в частности на шерстистых носорогов и слонов, а изобретение веревки, пошедшей на изготовление

сетей, рыболовных снастей, силков, обогатило рацион человека рыбой и птицей. Остатки жилищ и шитой одежды свидетельствуют о значительно возросшей способности наших предков выживать в холодном климате, а находки украшений и тщательно погребенных скелетов указывают на революционные изменения, произошедшие в их эстетическом и духовном развитии.

Из того, что осталось нам от кроманьонцев, наибольшую известность получило их искусство: их грандиозные наскальные росписи, статуэтки и музыкальные инструменты, художественная ценность которых не вызывает у нас сомнений и сегодня. Любому, кто побывал в пещере Ласко на юго-западе Франции и лично испытал потрясение, которое вызывают изображенные на ее стенах в натуральную величину быки и лошади, сразу становится понятно, что их творцы наверняка обладали сознанием не менее современным, чем строение их скелетов.

Очевидно, где-то 100–50 тысяч лет назад в способностях наших предков произошла значительная перемена — Великий Скачок Вперед. Этот скачок ставит перед нами два главных вопроса, по-прежнему не имеющих общепризнанного ответа: во-первых, вопрос о спровоцировавшей его причине, во-вторых, вопрос о его географической локализации. Что касается причины, в своей книге “Третий шимпанзе” я утверждал, что наиболее вероятным кандидатом на ее роль является совершенствование голосового аппарата, то есть формирование анатомической основы современного типа речи, от которой принципиально зависит реализация творческих способностей человека. Другие выдвигают гипотезу, согласно которой основой для возникновения человеческого языка в его современном виде стала совершившаяся в тот период эволюция мозга — изменение его организации при сохранении размеров.

Что касается места, в котором произошел Великий Скачок, прежде всего возникает вопрос о том, случился ли он изначально в какой-то одной географической области, в

рамках одной человеческой популяции, тем самым позволив ей распространиться и вытеснить предшествующие популяции других частей мира, или он происходил параллельно в разных регионах и сегодняшние обитатели этих регионов являются потомками людей, населявших их до Скачка. На одной чаше весов — значительное сходство черепов людей, живших в Африке 100 тысяч лет назад, с современными черепами — сходство, которое было интерпретировано в пользу первой гипотезы, тем самым привязывая Великий Скачок к территории Африки. Результаты молекулярных исследований (так называемой митохондриальной ДНК) поначалу тоже истолковывались как свидетельство африканского происхождения современных людей, хотя сейчас однозначность этих результатов подвергается сомнению. С другой стороны, у черепов людей, сотни тысяч лет назад населявших Китай и Индонезию, некоторые антропологи выявляют черты, как им кажется, по-прежнему характерные для черепов соответственно китайцев и австралийских аборигенов. Если их вердикт справедлив, он означает, что современные люди распространились по поверхности Земли не из одного Эдемского сада, а из разных мест, и эволюционировали параллельными путями. Этот спорный вопрос так до сих пор и не разрешен.

Наиболее очевидные подтверждения того, что современные люди ведут свое происхождение из одного региона, откуда они расселились по остальному миру и вытеснили все другие типы людей, мы находим в Европе. Около 40 тысяч лет назад в Европу проникли кроманьонцы — с их современными скелетами, превосходным оружием и другими признаками сравнительно развитой культуры. А несколько тысяч лет спустя в Европе полностью исчезли неандертальцы, единственные ее обитатели на протяжении сотен тысяч лет. Такая последовательность явно подсказывает, что вооруженные куда более развитыми технологиями, речевыми способностями и, возможно, более совершенным мозгом современные кро-

маньонцы каким-то образом — заражая своими болезнями, убивая, сгоняя с обжитых территорий — довели неандертальцев до полного вымирания, причем никакими убедительными свидетельствами гибридизации между первыми и вторыми мы не располагаем.

■

Великий Скачок Вперед совпадает с первым со времен заселения Евразии расширением географического ареала человека, о котором мы можем говорить с уверенностью, а именно колонизации Австралии и Новой Гвинеи, в ту эпоху образовывавших единых континент. Установленный с помощью радиоуглеродного анализа возраст множества стоянок в Австралии и на Новой Гвинее свидетельствует о том, что человек появился здесь как минимум 40–30 тысяч лет назад (как всегда, выдвигаются гипотезы и о более ранних датах, но их обоснованность под сомнением). За короткое время, прошедшее после первичного проникновения, люди оккупировали весь континент и адаптировались к его разнообразным природным условиям — от влажных тропических лесов и высокогорий Новой Гвинеи до засушливой внутриматериковой части и влажной юго-восточной оконечности Австралии.

В течение ледниковых периодов льды аккумулировали такое количество воды Мирового океана, что уровень моря на всей планете опускался на сотни футов ниже его современной отметки. В результате участки земной поверхности, которые сегодня заняты мелководными морями, разделяющими Юго-Восточную Азию и индонезийские острова Суматра, Борнео, Ява и Бали, превращались в участки суши. (То же самое происходило и с другими мелководными участками, такими как Берингов пролив и Ла-Манш.) Материковая окраина Юго-Восточной Азии тогда находилась на 700 миль восточнее ее нынешнего положения. Тем не менее острова Центральной Индонезии между Бали и Ав-

стралией были окружены и отделены от Австралии глубоководными проливами. Жителям материка, чтобы достигнуть Австралии/Новой Гвинеи, в то время требовалось пересечь самое меньшее восемь таких проливов, самый большой из которых имел минимум 50 миль в ширину. Чаще всего острова, разделенные проливами, были не видны друг с друга, однако сама Австралия оставалась вне видимости даже с самых ближайших индонезийских островов, Тимора и Танимбара. Таким образом, колонизация Австралии/Новой Гвинеи стала серьезной исторической вехой, поскольку не могла состояться без морских судов, и до сих пор является самым ранним свидетельством их применения. Только тридцать тысяч лет спустя (13 тысяч лет назад) появляются следующие бесспорные свидетельства существования мореходства — на этот раз в Средиземноморье.

Первоначально археологи рассматривали возможность непреднамеренного заселения Австралии/Новой Гвинеи — горстка рыболовов, находившихся на плоту вблизи берега какого-нибудь индонезийского острова, могла быть отнесена в море. Экстремальный сценарий предполагает, что первых колонистов могло быть только двое: беременная женщина и плод мужского пола у нее в утробе. Однако совсем недавно сторонников теории случайной колонизации ждал сюрприз: выяснилось, что острова, лежащие к востоку от Новой Гвинеи, были заселены вскоре после самой Новой Гвинеи — примерно 35 тысяч лет назад. Это были Новая Британия и Новая Ирландия, острова архипелага Бисмарка, и Бука, относящийся к Соломоновым островам. Бука не виден с ближайшего острова к западу от него, и чтобы попасть сюда, нужно было преодолеть минимум 100 миль по воде. Стало быть, у первых австралийцев и новогвинейцев, скорее всего, были средства, чтобы целенаправленно достигать видимых островов, и они пользовались судами достаточно часто, чтобы колонизация даже невидимых островов, несмотря на непреднамеренность, не была единичным случаем.